

– Я знаю, – согласно кивнул Георгий, – сегодня моя правда и за то хвала нашему Господу.

Голубь нежно тюкнул клювом большую и крепкую ладонь инока и отлетел.

Егор пытался было увидеть, куда и как полетел почтовый, но тот исчез в мгновение ока так, будто его и не было. Обстоятельство столь неожиданного появления и исчезновения Лариона весьма подивило клоуна. Он пытался найти тому свое объяснение, однако разобраться быстро не смог. Любопытство раздирало его. Он взглянул на Георгия, чтобы спросить, как увидел перед собою вместо лица сияние солнца... Понятно, каков ужас объял Егора. Он даже зашатался и, хватаясь за жар пустынного зноя, едва устоял на ногах...

– Что все это значит? – вскрикнул в сторону инока.

– Помнишь, брат, – с обыкновенной ровностью голоса говорил ему Георгий, – когда я уезжал на Синай, на вопрос: зачем меня туда послали? – ответил: «Умирать», – все закричали, чтобы я не говорил глупостей, и лишь старый причетник Евсей сказал: «Будешь бит...» – «Буду, и крепко буду», – отрапортовал ему вслед.

– Ну и что?

– Ничего, Гоша. Прости за все. Голубь прилетел и я умираю.

Сказал последнее: «Господи, прости», – кланяясь, опустился на песок, затем неспешно лег, вытянулся вдоль белой пустынной простыни лицом к небу, перекрестился, сложил крестом на груди огромные трудовые руки и испустил дух.

* * *

... в аэропорт Каира рыдающего клоуна Гошу провожала толпа благодарных зрителей, которая не знала причины его слез и видела в том лишь новую репризу, и только один вышедший на встречу брату инока архиерей из Александрии, благословляя на дорогу, обнял ласково, чуть-чуть приоткрыл Егору совершенно непонятную тайну:

– Не скорби, – вздыхая, – он за послушание умер, чтобы ты жил.

ЗИМНЕЕ УТРО В ТЕЛЬ-КАУКАБЕ

В деревне Тель-Каукаб, куда стекаются все хрустальные воды горных рек, где преизобилуют фруктовые сады, виноградники и оливковые рощи, – это вблизи от Дамаска, если идти по дороге из Рима в столицу Сирии, – Русская Православная церковь построила на холме, на месте озарения Савла, в тепер уже далекие шестидесятые годы прошлого века храм. Справа от него

в 2005 году русский скульптор Александр Рукавишников поставил памятник святому первоверховному апостолу Павлу. Нынешней зимой свершилось прежде небывалое: как гром среди ясного неба – выпал снег...

...Георгий с ужасом смотрел на белого Павла. Еще никогда в жизни он не видел такого чуда. Тело его дрожало мелкой дрожью, слёзы ручьем лились по щекам. Он не понимал, что случилось, но ему было холодно и страшно. Георгий повторял раз за разом:

– Павел... Павел..., – срывался на истерику и рыдал, а после снова говорил: Павел... Павел..., – и истерика накатывалась новым приливом...

Так повторялось достаточно долго. Георгий проваливался в забытие. Очнувшись, он видел, что белые хлопья непрестанно сыплются и белый покров над землей поднимается выше и выше, и уже почти сравнялся с окнами. Белый Павел, по-прежнему молча, строго смотрел прямо ему в лицо. Таким он не видел его еще никогда. Казалось, что еще немного, и Павел в гневе своем шагнет прямо к кибитке и разметает по белому покрову её белые камни.

– Павел... Павел..., – вскрикнул Георгий, – виновен, верь мне, виновен, но не губи сторожку. Хозяин взял меня на работу, и я обещал ему, что буду честно служить, без обмана... Так вышло, видит Бог, я не мог отказать бедному бедуину и пустил его на ночлег в церковь...

Но Павел как бы не слышал. Глаза его широко разверзлись, и он продолжал с беспощадностью смотреть прямо внутрь сердца Георгия, обжигая своею холодною строгостью тело сторожа. Георгий уже не дрожал мелкой дрожью. Сторожа натурально трясло и колотило... Верхние зубы едва попадали на нижние. Пальцы рук скрючились от боли... В эти минуты Георгий чувствовал, что смерть, белая смерть сейчас настигнет его и он умрет, оставив закрытого в церкви бедуина...

– Павел... Павел... – из последних сил взмолился Георгий, – я виновен, но бедуин не новинен. Пусть Господь, по твоим святым молитвам, позволит мне его выпустить из храма...

И вдруг белый Павел как бы вскинул назад голову. Белая пышная грива сползла на плечи. Глаза его засияли в свете пробившегося из-под серых облаков солнца. Какая-то, никогда не знаемая теплота пробежала по сосудам. Из глубины белого сада послышался истошный вопль котенка. Георгий спешно обулся в брезентовые кеды и выбежал во двор.

Собственно, дальше порога он, конечно же, не побежал, а просто провалился в белые покрыва зимы, которых не знал прежде, перед рядами олив, превратившихся в белые стога. Группа сизарей слетела с креста купола церкви и прошла над ним два раза круг за кругом, но он их уже не заметил. Понятно,

что это был второй удар в его сердца. До смерти оставалось меньше шага. Мысленно он смирился со своей участью и уже перемахнул через ступень из мира времени в вечность, а душа Георгия примирилась с приговором Суда...

Но, опять таки, в последнюю секунду, когда он уже лежал, распластавшись на белой холодной и волглой простыне зимы, серая старая кошка с криком выскользнула из-под него. Её дикий визг возмущения смутил тихого Георгия, и он в отчаянье вскочил на ноги...

Все само собою прояснилось: настала зима. Выпал первый снег в пустыне, который раньше Георгий видел только в кино и во сне. Он пошел уверенною походкою по мягкой белой ровной дорожке. По пути вытащил из сугроба истошно визжащего мокрого котенка и спрятал его под свитер. Прежде, чем перекреститься и открыть замок на двери церкви, оглянулся на Павла. Бронзовое доброе лицо апостола светилось счастливою улыбкою. Георгий осенил себя крестом, с некоей растерянностью перемены голосом причетника сказал:

– Алилуга, алилуга, алилуга, – и тоже возрадовался, и пропел далее: – Слава тебе Боже! Господи помилуй. Господи помилуй. Господи помилуй...

Открыл двери храма и назвал бедуина:

– Скорее выходи, старик, и поспеши домой, к нам зима пришла.

Озябший бедуин, кутаясь в арафатку, морщась от непривычной белизны света, вышел на порог и тоже, надо полагать, оторопел.

– Господи, – вскрикнул постоялец на Павла, – за что нам сие?

– Он не виновен, – ответил весело ему Георгий за бронзового апостола, – всё от Господа, – и повел головою на небо. – Ты поспедай домой, дорогой. Зима к нам пришла незвано. Родные твои, небось, заждались и волнуются... Поторапливайся, пока совсем не утопла в снегах долина...

Поверженный белизною евета, бедуин даже не взглянул на своего благодетеля и не сказал ему ни слова. Потупив долу глаза, он минул ворота ограды и растворился в снегах. Радостный незаемно сторож, придерживая левой рукою край грубой шерсти свитера, из-под которого в полудреме счастливо мурлыкал белый котенок, пошел к Павлу. Правой рукою Георгий разгреб снег на приступках постамента, присел на край, погладил рукою холодную бронзовую порфиру апостола, прижался щекою и снова, как на рассвете, запричитал:

– Павел... Павел..., – и заплакал, но теперь уже с благодарным трепетом.

КРАСНОЕ МОРЕ

...тихо денно и ночью. Заходит солнце, всходит луна. Засыпают и просыпаются люди: маленькие и большенькие. Гудят провода и плачут ракиты.